© 2012 г.

М. Д. Бухарин

ОПИСАНИЕ НАБАТЕИ В «ПЕРИПЛЕ ЭРИТРЕЙСКОГО МОРЯ»

(*К определению жанровой принадлежности источника*)

Несмотря на общепринятое мнение о принадлежности «Перипла Эритрейского моря» к жанру деловых документов, отражающих торговую деятельность его автора в акватории Эритрейского моря, в статье высказывается предположение, что в основе описания некоторых регионов, в том числе Набатеи, лежит предшествующая историко-литературная традиция.

Ключевые слова: Эритрейское море, Набатея, Петра, пути сообщения, рукописные искажения.

В литературе, посвященной анализу данных «Перипла Эритрейского моря» (далее – «Перипл»), давно принято подчеркивать уникальность этого источника и значимость его сведений. «Греческий трактат “Перипл Эритрейского моря” – один из наиболее ценных, унаследованных нами от античности…», – указывал в начале своего сочинения о «Перипле» Ж.-Т. Рено почти полтора века назад[1]. Не менее важно и указание на то, что данный источник, несмотря на длительные коллективные усилия нескольких поколений исследователей разной специализации[2], недостаточно тщательно изучен. Так, один из издателей текста «Перипла» Х. Фриск с сожалением отмечал: «Не имея никаких литературных достоинств, “Перипл”, определенно, никогда не был объектом какой-либо критики с точки зрения филологии древности. Его рассматривали как документ, ценность которого исчерпывается лишь его содержанием, без того, чтобы обратить внимание на его внешнюю форму»[3].

Количество работ, посвященных «Периплу», вышедших после издания Х. Фриска, огромно. Между тем исследований, которые аккумулировали бы опыт изучения «Перипла» с филологической и исторической точек зрения, за исключением

Бухарин Михаил Дмитриевич – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, заведующий центром истории Древнего Востока ИВИ РАН.

Автор сердечно признателен Генеральному директору ГМВ д.ист.н. А.В. Седову (Москва) за щедрую помощь конструктивными критическими замечаниями в ходе работы над статьей.

[1] Reinaud 1864, 225.

[2] В. Рауниг – автор одной из обобщающих работ по изучению «Перипла», называет (Raunig 1970, 232) «одним из первых» исследователей данного источника аж К. Салмазия, работавшего еще в конце XVII столетия (Salmasius 1689). При этом мнения Салмазия подвергались критике (Dodwell 1698, 88) в том же XVII в.!

[3] Frisk 1927, 33–34.

издания Л. Кассона[4], нет. Интересно привести мнение французского исследователя Эд. Фрезула: «Несмотря на обильную исследовательскую литературу, “Перипл Эритрейского моря” не используется так, как он того заслуживает. Он относительно мало известен, особенно в тех странах… где доступен только по-гречески или в иностранном переводе»[5]. А вот мнение крупной исследовательницы индо-римских связей Х.П. Рэй: «Проблема, заключающаяся в переводе и понимании текста, которая до сих пор не разрешена должным образом, продолжает привлекать внимание филологов»[6]. При обращении к тексту, чьи данные – единственные в своем роде, некачественное издание или плохой перевод, часто зависящий от исторической интерпретации или уровня текстологической критики (или от того и другого сразу), бывает хуже отсутствия какого-либо, так что ситуация действительно не сильно изменилась в лучшую сторону.

Постановка вопроса о жанровой принадлежности «Перипла» сама по себе выглядит весьма странно, так как жанр данного произведения обозначен уже в его заглавии. Это не единственный представитель периплов; кроме анализируемого, хорошо известен «Перипл Понта Эвксинского» Арриана и ряд других периплов, не сохранившихся в оригинале. Сугубо «практическое» предназначение «Перипла» четко формулируется почти всеми исследователями древнейшей и древней истории красноморского бассейна. Достаточно привести высказывания авторитетных специалистов: «This work, the single example of its kind to have survived, is a combination of coast pilot and merchant’s guide for two trade routes: one along the western shore of the Red Sea, the southern of the Gulf of Aden, and the eastern of Africa to Zanzibar or a little further, the other down the Red Sea and along the southern coast of Arabia and across the Arabian Sea to India»[7]; «The Periplus Maris Erythraei is a guide to the sailing conditions, ports and products of coastal East Africa, Southern Arabia and India, with passing reference to the Persian Gulf and China[8]». Самой распространенной является характеристика данного сочинения как торгово-навигационной лоции[9]. В наиболее авторитетном издании «Перипла», подготовленном Л. Кассоном, без цитирования которого не обходится ни одна работа по древней истории красноморского бассейна, дискуссия ведется даже не о том, был ли этот источник «деловым документом» или нет. Его сугубо «деловой» характер принимается как аксиома. «He was a businessman…», – говорит Кассон о составителе «Перипла». По мнению Кассона, автор «Перипла», окончив свою деятельность, решил подготовить пособие в области своих профессиональных навыков. Спор же ведется лишь о том, какова была первоочередная сфера приложения сведений «Перипла»: торговля или навигация[10].

Высказанные формулировки не вызывают принципиальных возражений. Однако ни они, ни многие им подобные не фокусируют внимание на происхождении

---

[4] Casson 1989.

[5] Frézouls 1984, 305.

[6] Ray 1996, 643.

[7] Casson 1980, 23.

[8] Sidebotham 1990, 16.

[9] Frisk 1927, 25; ср. также следующие, более поздние, но схожие по сути, формулировки: «The date of this merchant-sailor’s guide (as it seems likely to be) lies between the late 1st and early 3rd century A.D. …» (Chittick 1980, 117); «Le *Périple* est d’abord, comme son titre même l’implique et comme une longue tradition l’imposait à son auteur, un guide de navigation, une description des trajets...» (Frézouls 1984, 306).

[10] Casson 1989, 8.

сведений составителя[11] «Перипла». «По умолчанию» предполагается[12] или вполне внятно утверждается[13], что его сведения почерпнуты составителем на основе личного опыта или в крайнем случае на основе информации, собранной им от других торговцев в течение ряда лет ведения торговой деятельности в акватории Эритрейского моря от Египта до Юго-Восточной Индии. Однако далеко не все сообщения «Перипла» могут рассматриваться как восходящие к исторической реальности, тем более современной его составителю.

Ранее уже указывалось на существование в «Перипле» фрагментов, имеющих явно литературное или, точнее, окололитературное происхождение. Первые шесть параграфов «Перипла» посвящены описанию пути от Миос Гормос до Адулиса и некоего «глубокого залива». Важной точкой отсчета для составителя «Перипла» при описании данного пути является πέρας τῆς ἀνακομιδῆς (3: 1. 12–15) – «крайний пункт доставки». Анализ этого понятия позволил определить[14], что под ним подразумевается именно пункт разворота в обратный путь, а не возвращения в исходный пункт отправления, как считается практически в работах по истории красноморской торговли. Этот пункт следует локализовать в современном Анфайлском заливе (The Anfile Bay)[15].

Согласно составителю «Перипла», расстояние от πέρας τῆς ἀνακομιδῆς до Птолемаиды Охотничьей равно 4000 стадий (3: 1. 13). При этом сумма расстояний от Птолемаиды Охотничьей до «глубокого залива», следующего после Адулиса, равна, как указано в «Перипле», именно 4000 стадиям: 4000 стадий от πέρας τῆς ἀνακομιδῆς до Птолемаиды = 3000 от Птолемаиды Охотничьей до Адулиса + 200 от внутренней части залива, где лежит Адулис до о. Орейне + 800 стадий от о. Орейне до «глубокого залива». Составитель «Перипла» отмечает, что после этого залива «Аравийский залив» «вот уже» (ἤδη) загибается на восток в его наиболее узкой части (7: 3. 8–9). Тот факт, что составитель «Перипла» указывает расстояние до Птолемаиды Охотничьей – порта, следующего за Береникой, не от Береники или от Миос Гормоса, а от конечного пункта маршрута, позволяет утверждать, что составитель «Перипла» расстояния от Береники до Птолемаиды и не знал, но, сле-

---

[11] Здесь и далее в соответствии с логикой ниже следующих рассуждений вместо оборота «автор Перипла» используется оборот «составитель Перипла», ранее использовавшийся, например, А. Диле – «Verfasser des Periplus» (Dihle 1965, 26).

[12] Casson 1983, 164–165; Young 1997, 266–268.

[13] «He writes from his personal experience, as is evident not only from the nature of his reporting, direct and detailed… His personal experience included the African route down to Rhapta and the Arabian-Indian at least down to Cape Comorin at India's southern tip» (Casson 1989, 8).

[14] Bukharin 2011, 219–231; Бухарин 2011 (в печати).

[15] Анализу расположения «глубокого залива» не уделялось должного внимания в соответствующих исследованиях; его отождествление с заливом Хоачил постулируется как данность, не нуждающаяся в обосновании (Wendrich, Tomber, Sidebotham, Harrell, Cappers, Bagnall 2003, 59). Между тем оно едва ли может быть принято. Залив Хоачил расположен столь близко к о. Диссей, что расстояние 800 стадий, указанное в «Перипле» (5: 2. 16) как отделяющее о. Орейне от «глубокого залива» – слишком много, чтобы принять это отождествление даже с возможными искажениями. Кроме того, залив Хоачил не имеет ярко выраженного входа, о котором говорится в «Перипле» как о засыпанном песком (5: 2. 17). По всей видимости, автор «Перипла» действительно имел в виду следующий (следуя на юг) Анфайлский залив (The Anfile Bay), вытянутая форма которого может ассоциироваться с глубиной. Так как залив, по сообщению составителя «Перипла», имел высокое песчаное дно, то речь, конечно, не идет о том, что залив был глубок в прямом смысле слова.

дуя требованиям жанра перипла, должен был указать расположение следующего порта относительного какого-нибудь надежного ориентира. В качестве такового был выбран конечный пункт плавания, так как на пути на юг корабли в Птолемаиду – основной пункт охоты на слонов в птолемеевском Египте – и не заходили. Ее посещали только на обратном пути, стремясь забрать слонов на борт и проделать с ними на борту как можно меньшее расстояние[16]. Таким образом, составитель «Перипла» должен был обнаружить данные об этом расстоянии в одном из отчетов об экспедиции от «глубокого залива» в Птолемаиду и далее в Беренику.

Этот вывод можно подкрепить еще двумя наблюдениями: описание того или иного маршрута, как правило, оканчивается ссылкой на наиболее удобное время года для отправления. Данная информация указывается для путешествия до «глубокого залива» южнее Адулиса (The Anfile Bay) – сентябрь (6: 3. 4–7), до портов на побережье современного Сомали – июль (14: 5. 7–8), до порта Муза – сентябрь (24: 8. 10–11), до порта Кана – как в Музу, т.е. сентябрь, и ранее (28: 9. 20–21), до Баригазы – июль (49: 16. 31–32), в порты Лимирики – июль (56: 18. 28–29).

Показательно, что время отправления в порты разных сегментов анализируемого «Перипла» не совпадает, и различные отрезки пути невозможно выстроить в единый маршрут. Это свидетельствует о том, что кажущаяся в изложении составителя «Перипла» «единой и неделимой» дорога от Миос Гормоса до Рапты состоит из целого ряда самостоятельных фрагментов, едва ли составлявших когда-либо единое целое. Так, отплывая в порты на сомалийском побережье в июле, нельзя попасть в Адулис и «глубокий залив» – главный центр красноморской торговли, лежащий к тому же «по дороге», время отправления в которые падает на сентябрь; отправляясь в Музу в сентябре, невозможно проследовать дальше до Баригазы или Лимирики, время отправления в которые падает на июль; отправившись в Кану раньше, чем в Музу, невозможно совместить посещение этих портов.

Характерно, что время отправления судов дается до всех ключевых пунктов маршрутов «Перипла», служивших в разное время границами проникновения средиземноморских торговцев в Эритрейское море, кроме наиболее южных портов на африканском побережье: до наиболее южных пунктов на африканском и аравийском побережьях внутри современного Красного моря, до портов в «Варварской стране» – поставщиков специй и благовоний южнее Баб-эль-Мандебского пролива, до Каны – единственного порта в Южной Аравии вне современного Красного моря, в котором, судя по данным «Перипла», велась регулярная торговля со Средиземноморьем, и до северной и южной оконечности западноиндийского маршрута. При этом все перечисленные выше пункты, лежащие в Аравии и в Африке, являются, согласно «Периплу» (21: 7. 23; 57: 18. 30–57: 19. 7–8), пунктами дальнейшего отправления в Индию! Показательно, что составитель «Перипла» включил в этот перечень еще и порт Счастливая Аравия (57: 18. 30–57: 19. 1), который «ранее» служил местом встречи торговцев из Индии и Египта (26: 8. 27–29), т.е. данная информация должна восходить и к опыту предшествующего поколения торговцев. Таким образом, в основе «Перипла» должны лежать сведения, которые восходят к разновременным источникам.

Отсутствие таких сведений для наиболее южных портов на африканском побережье Эритрейского моря в данном контексте выглядит «подозрительно». Составитель «Перипла», однако, не утверждает с уверенностью, что Рапта и места, указанные перед Раптой, – наиболее южные порты. Он говорит об этом в предпо-

[16] Bukharin 2011, 1–12; Бухарин 2011 (в печати).

ложительной тональности: «καὶ σχεδὸν τελευταιότατά ἐστι ταῦτα τά ἐμπόρια τῆς ᾽Αζανίας τῆς ἐν δεξιοῖς ἀπὸ Βερνίκης ἠπείρου» (18: 6. 21). При этом в литературе уже отмечалось[17], что ко второй половине I в. н.э. античные географы были прекрасно осведомлены о районах южнее Рапты. Действительно, Клавдий Птолемей пересказывает данные своего предшественника Марина Тирского, который называет трех мореплавателей, ходивших до Рапты и далее на юг и оставивших вполне конкретную информацию о продолжительности плавания до тех или иных ориентиров от Мыса Ароматов (Geogr. I. 5. 1–4). Остается лишь предположить, что составитель «Перипла» не нашел соответствующей информации и подытожил свой экскурс на юг современной Африки на том месте, информация о котором оказалась ему доступна. Другими словами, описание данного маршрута – неполное, соответственно и сведений о наилучшем времени отправления в данные места составитель «Перипла» привести не мог.

Влияние не местных реалий, а предшествующей и современной литературной традиций на составителя «Перипла», можно усмотреть и в том, например, что он не знает наименования царства Хадрамаут (др.юж.-ар. ḤḌRM(W)T), трижды прибегая к его чисто литературному наименованию ἡ Λιβανωτοφόρος χώρη (27: 9. 4–5; 29: 9. 24; 31: 10. 20). Информатор же Плиния по данному вопросу[18] оперирует двумя названиями – местным в латинской передаче (A[s]tramitae) и метафорическим (чисто античным) обозначением. Составитель же «Перипла» довольствуется одним, выбрав, по неизвестной причине, то, которое ему более понятно.

При этом описание порта Кана (28: 9. 13–21) и упоминание доставки ладана в столицу царства Шабву не оставляет сомнения в том, что его автор (кто бы он ни был – сам ли составитель «Перипла» или его неизвестный информатор) хорошо знал предмет описания на личном опыте. Данное обозначение Хадрамаута получает распространение в античной географии лишь в более позднюю эпоху (например: Ptol. Geogr. VI. 7. 24), однако, как уже отмечалось[19], его греческий вариант весьма точно соответствует латинскому regio turifera (Plin. NH. VI. 104, XII. 52) применительно к тому же региону. Совпадение тем более примечательно, что оба обозначения даны относительно одного и того же места: обороту Κανή, βασιλείας ᾽Ελεάζου, χώρας Λιβανωτοφόρου из «Перипла» практически дословно, за исключением вставки с указанием на «царство Элеаза», соответствует формула из шестой книги «Естествознания» Плиния Старшего: Canen turiferae regionis.

В рассматриваемом контексте представляет существенный интерес и описание транспортировки ладана, данное в «Перипле»: «[…] ἐμπόριόν ἐστιν ἕτερον παραθαλάσσιον Κανή, βασιλείας ᾽Ελεάζου, χώρας Λιβανωτοφόρου [...] ᾽Υπέρκειται δὲ αὐτῆς μεσόγειος ἡ μητρόπολις Σαββαθά, ἐν ᾗ καὶ ὁ βασιλεὺς κατοικεῖ· πᾶς δ᾽ὁ γεννώμενος ἐν τῇ χώρᾳ λίβανος εἰς αὐτὴν ὥσπερ ἐκδοχεῖον εἰσάγεται καμήλοις τε καὶ σχεδίαις ἐντοπίαις δερματίναις ἐξ ἀσκῶν καὶ πλοίοις (27: 9. 4–10)». В переводе Л. Кассона этот отрывок выглядит следующим образом: «[…] another port of trade on the coast, Kanê, belonging to the kingdom of Eleazos, the frankincense-bearing land […] Above it inland lies the metropolis of Saubatha, which is also the residence of the king. All the frankincense grown in the land is brought into Kanê, as if to a warehouse,

[17] Dihle 1965, 29.

[18] Можно лишь предполагать, что в описании южноаравийских благовоний Плиний опирался на утерянную работу по географии Аравии мавританского царя Юбы, на которого Плиний ссылается несколькими параграфами ранее (NH. XII. 39).

[19] Cuvigny 2010, 420.

by camel as well as by rafts of a local type made of leathern bags, and by boats»[20]. Данная трактовка Кассона предполагает, что под оборотом «εἰς αὐτήν» имеется в виду Кана. Именно так интерпретируется и переводится данный отрывок «Перипла» и в недавнем исследовании Э. Кювиньи[21]: «À Kanè […] est centralisé tout l'encense produit dans ce pays […]»[22]. Также он интерпретировался и на заре красноморских исследований[23].

По ряду причин данная трактовка представляется весьма сомнительной, и более ранняя, предложенная, в частности, В.Х. Шоффом («all the frankincense produced in the country is brought by camels to that place to be stored, and to Cana on rafts […]»)[24], а еще ранее У. Винсентом («The metropolis in the interior is Sabbatha: here is the residence of the king, and hither is brought all the frankincense of the country to be stored. Camels, boats, and rafts floated on inflated skins, are employed in the conveyance»[25]) выглядит предпочтительнее. Пусть Шофф и не вполне точно передает смысл древнегреческого текста (в тексте отсутствуют топонимы, присутствующие в переводе), его трактовка, а особенно вариант Винсента, представляется правильнее.

Во-первых, в непосредственно предшествующей части изложения речь шла о столице царства Шабве, и едва ли можно ожидать, что под αὐτή имеется в виду поселение, описание которого отделено содержательно важной вставкой. Во-вторых, доставка ладана в Кану на верблюдах, а не по воде, едва ли имела какой-либо практический смысл, тем более, что Плиний Старший сообщает буквально теми же словами, что и составитель «Перипла», о доставке на верблюдах собранного ладана именно в Шабву: «tus collectum Sabotam camelis convehitur» (NH. XII. 63). Нельзя не отметить содержательной и терминологической близости данной фразы той, что использована составителем «Перипла»: «πᾶς δ' ὁ γεννώμενος ἐν τῇ χώρᾳ λίβανος εἰς αὐτὴν […] εἰσάγεται καμήλοις». Сведения о доставке ладана по морю должны относиться к Кане и указывать на существование морского пути в Кану из ладановых плантаций в совр. Дофаре. Таким образом, пусть и не очень складно, составитель «Перипла» хотел подчеркнуть то, что по морю ладан доставляют в Кану, а из Каны на верблюдах его перевозят в Шабву[26]. Вполне возможно, что, как и в случае с обозначением «Каны страны Ладаноносной», они восходят к одному и тому же источнику, что опять же указывало бы на использование составителем «Перипла» не только личного опыта (собственного или своих информаторов), но и данных из иных письменных (или даже устных) источников.

---

[20] Casson 1989, 67.

[21] Cuvigny 2010, 420.

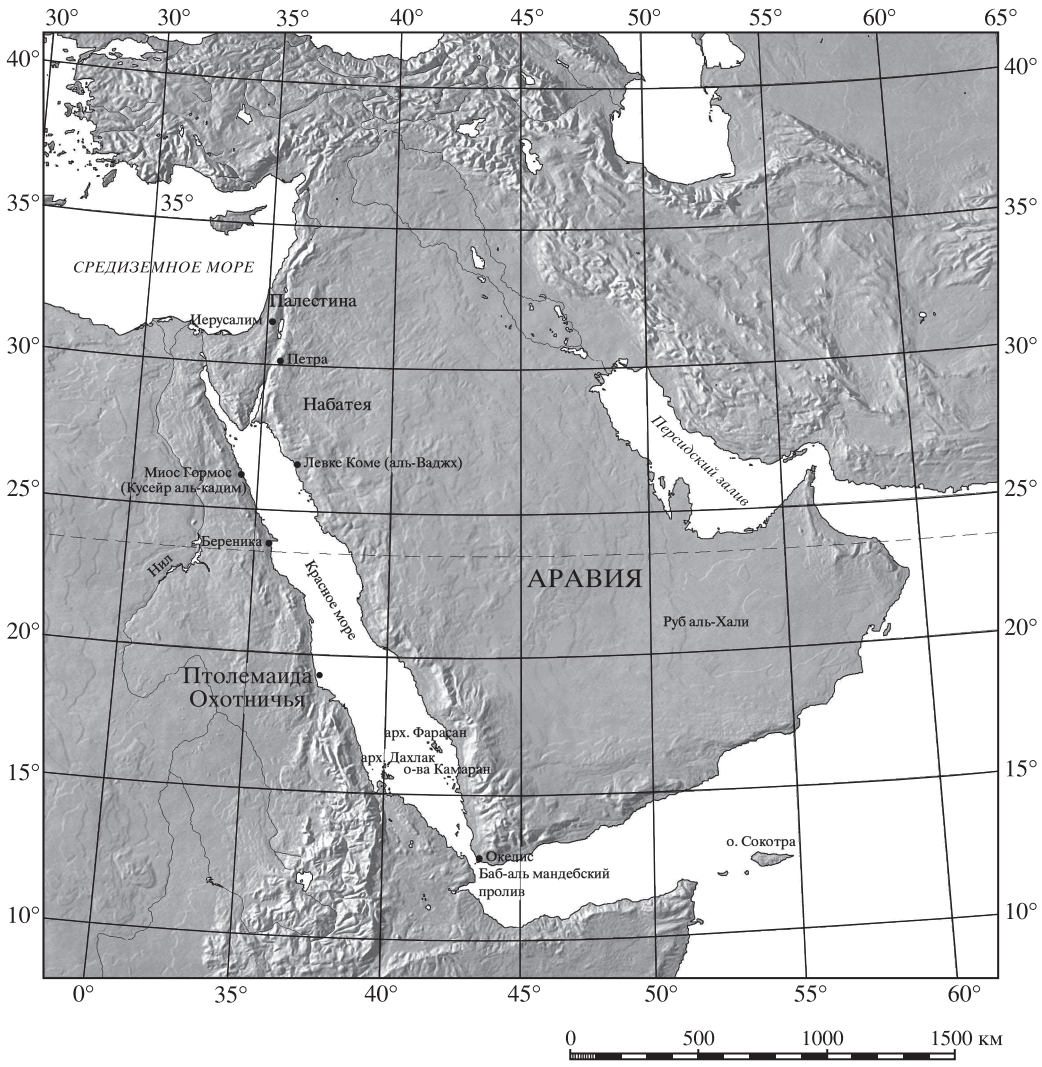
[22] Cuvigny 2010, 430. Впрочем, именно так он интерпретировался и значительно ранее, например: «At Kanê is collected all the incense that is produced in the country, this being conveyed to it partly on camels, and partly *by sea* on floats […]» (McCrindle 1879, 87). Так как английский перевод МакКриндла основан не на древнегреческом оригинале, а на латинском переводе Карла Мюллера, неудивительно, что он точно соответствует именно его интерпретации: «Omne autem quod nascitur in hac regione thus in Canen tanquam receptaculum partim camelis infertur, partim ratibus pro loci more pelliceis ex utribus, partim navigiis» (Müller 1855, 278–279).

[23] Jeep 1897, 227.

[24] Schoff 1912, 32. Э. Кювиньи (Cuvigny 2010, 430–431), цитируя этот фрагмент, вставляет «[i.e. Saubatha]» после «place», чего нет в тексте Шоффа.

[25] Vincent 1809, 88.

[26] Ранее, менее подробно, данная трактовка предлагалась: Бухарин 2009, 28.



Карта Аравийского полуострова

В контексте определения источниковой основы «Перипла» интерес представляют и сведения о «воинственных бактрианах» (μαχιμώτατον ἔθνος Βακτριάνων) (47: 16. 6). Данное определение бактрийцев весьма точно соответствует тому, что о бактрийцах писал еще Геродот (III. 102): «Ἄλλοι δὲ τῶν Ἰνδῶν Κασπατύρῳ τε πόλει καὶ τῇ Πακτυϊκῇ χώρῃ εἰσὶ πρόσοικοι, πρὸς ˝αρκτου τε καὶ βορέω ἀνέμου κατοικημένοι τῶν ˝αλλων Ἰνδῶν, οἳ Βακτρίοισι παραπλησίην ἔχουσι δίαιταν. Οὗτοι καὶ μαχιμώτατοί εἰσι Ἰνδῶν...»[27]. Конечно, едва ли составитель «Перипла» читал Геродота и использовал ту или иную информацию из его труда. Однако определение бактрийцев, данное в «Перипле», должно отражать некое стереотипное

[27] «Другие же из индийцев обитают вблизи земли Пактики и города Каспатиры, проживая севернее прочих индийцев. По образу жизни они приближаются к бактрийцам. Эти и есть самые воинственные из индийцев…».

восприятие населения, занимавшего в представлении составителя «Перипла» земли к северу от Индии[28]. Неаутетичность данного сообщения может быть видна хотя бы из того, что территория Бактрии, как и Северная Индия, к концу I в. н.э. (а наиболее поздние сообщения «Перипла» датируются 70–80-ми годами I в. н.э.[29]) была покорена кочевниками – сакаравками[30] и кушанами, о которых составитель «Перипла» также ничего не знает.

Влияние наиболее расхожих стереотипов в восприятии Индии видно и из ссылки составителя «Перипла» на сюжеты из «Романа об Александре»: Александр, отправившись из долины Инда, не вернулся в Месопотамию, а прошел всю Индию вплоть до Ганга (47: 16. 6–7). Данный сюжет встречается, в частности, в рассказе Диодора Сицилийского об Индии (II. 37. 3).

Определение источниковой базы составителя «Перипла» может быть продолжено. Одним из пунктов ее анализа может послужить описание дороги в Петру к Малихе, царю (набатеев), через порт Левке Коме в Северо-Западной Аравии.

Упоминание Левке Коме в «Перипле» – второе по «возрастной шкале» в античной литературе. До «Перипла» данный порт упоминался Страбоном (XVI. 4. 23) при описании злоключений армии Элия Галла в Аравии как крупный набатейский порт ([…] ἦκεν εἰς Λευκὴν κώμην τῆς Ναβαταίων γῆς, ἐμπόριον μέγα). В этом же разделе, пересказывая перипетии той же кампании, Страбон (XVI. 4. 23) сообщает о доставке грузов в Петру через Левке Коме: «πολλά δὲ παθὼν καὶ ταλαιπωρηθεὶς πεντεκαιδεκαταῖος ἦκεν εἰς Λευκὴν κώμην τῆς Ναβαταίων γῆς, ἐμπόριον μέγα [...] τοῦτο δ’ ἀπειργάσατο ἡ τοῦ Συλλαίου κακία τοῦ πεζῇ φήσαντος ἀνόδευτα εἶναι στρατοπέδοις εἰς τὴν Λευκὴν κώμην, εἰς ἣν καὶ ἐξ ἧς οἱ καμηλέμποροι τοσούτῳ πλήθει ἀνδρῶν καὶ καμήλων ὁδεύουσιν ἀσφαλῶς καὶ εὐπόρως εἰς Πέτραν καὶ ἐκ Πέτρας, ὥστε μὴ διαφέρειν μηδὲν στρατοπέδου»[31]. И далее (XVI. 4. 24): «ἐκ μὲν οὖν τῆς Λευκῆς κώμης εἰς Πέτραν, ἐντεῦθεν δ’ εἰς Ῥινοκόλουρα τῆς πρὸς Αἰγύπτῳ Φοινίκης τά φορτία κομίζεται [...]»[32].

В «Перипле» дорога из Левке Коме в Петру описывается следующим образом: «…Λευκὴ κώμη, δι’ ἧς ἐστὶν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν, βασιλέα Ναβαταίων, <ἀνάβασις>»[33]. Текст данного фрагмента приводится по изданию Л. Кассона[34]; он многократно привлекал внимание исследователей и как одно из немногих свидетельств существования порта Левке Коме[35], и как возможность датирования текста «Перипла» в связи с упоминанием в нем набатейского царя Малихи[36] (при

---

[28] Подробнее: Бухарин 2002, 259; 2007, 147.

[29] Бухарин 2007, 233–246.

[30] Об отождествлении сакаравков как покорителей Бактрии см. Bernard 1987, 756–768.

[31] «Много же пострадав и намучавшись, прибыл он (Элий Галл. – *М.Б.*) в Левке Коме – крупный торговый порт в земле набатеев… Все это случилось из-за зловредности Силлея, сказавшего, что пешего пути для войска в Левке Коме нет, хотя в нее и из нее – в Петру и из Петры – караванщики благополучно и комфортно водят такое количество людей и верблюдов, что они не отличаются от войска».

[32] «Из Левке Коме же грузы доставляются в Петру, а оттуда – в Риноколуру Финикийскую, расположенную рядом с Египтом…».

[33] «…Левке Коме, через которую есть {дорога} в Петру к Малихе – царю набатеев» (19: 6. 28–29).

[34] Casson 1989, 60.

[35] См. Bukharin 2005–2006, 138; Бухарин 2007, 98–104; 2009, 138–145; Bukharin 2010, 117, 128, map 2; Nappo 2010, 335–349.

[36] Например: Pirenne 1961, 193–198; 1961a, 444–457; Will 1962, 576–577; Vaux 1964, 148–149; Pirenne 1970, 110–112; Шифман 1978, 136–139.

этом П. Левек исходит из того, что упоминание «набатейского» царя не может использоваться как аргумент в дискуссии, так как является поздним исправлением в тексте[37]), а также в связи с особенностями римской экономической политики на Востоке, в частности, с упоминанием в этом же параграфе (19: 7. 1–2) некоего сотника, призванного обеспечить защиту порта и взимание четвертины с товаров, ввозимых в Левке Коме[38].

Описание Левке Коме в «Перипле» отличается от описания большинства портов на берегах Эритрейского моря: автор указывает расстояние от него лишь приблизительно – в два или три дня пути, весьма нетипично для всего «Перипла» указан маршрут: налево от Береники, на восток от Миос Гормос, в тексте не приводится привычный для других портов список товаров, продаваемых и покупаемых в данном порту. Последнее обстоятельство тем более странно, что от Левке Коме идет дорога к царской резиденции в Петре, а составитель «Перипла» в остальных случаях непременно упоминал товары, привозившиеся специально для царя: Зоскала – в Аксуме (6: 2. 33–35), Харибаила – царя Саба и Химйара, а также для тирана Ма‘афира (24: 8. 7–9), Элеаза – царя Ладаноносной страны (28: 9. 17–18), парфянских царей Индо-Скифии (39: 13. 5–6), Манбана (Нахапаны) – сакского владыки Баригазы (49: 16. 25–26). Цари южноиндийских царств упоминаются, называются и дороги в их резиденции, но импорт специально для них не оговаривается. Все эти обстоятельства заставляют предположить, что составитель «Перипла» в Левке Коме сам не был, что не были в этом порту и его информаторы и что римские торговцы не рассматривали Набатею как партнера в морской торговле.

Последнее слово в приведенной древнегреческой фразе (ἀνάβασις) является эмендацией бессмысленного αναβαταιως гейдельбергской рукописи[39]. Попытки трактовать данный фрагмент «Перипла» в трудах филологов-классиков и историков античной географии двух прошедших столетий могут быть резюмированы следующим образом.

У. Винсент, один из пионеров изучения «Перипла» передавал смысл данной фразы следующим образом: «for here, we are informed, was point of communication with Petra the capital of the country, the residence of Malichas the king of the Nabatêans…»[40]. Конечно, назвать данную интерпретацию точным переводом едва ли возможно. В собственном издании текста «Перипла» Винсент представил следующий, не вполне логичный вариант древнегреческого текста с переводом: «…Λευκὴ κώμη, δι’ ἧς ἐστὶν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν βασιλέα Ναβαταίων» – «Leukè Kômè is the place where the merchants land to go up to Petra, the residence of Malikhas, king of the Nabatêans»[41]. Издатель не обратил внимания, что в древнегреческой фразе отсутствует указание на то, что же стоит за δι’ ἧς; английский же перевод весьма далек от древнегреческого текста.

Б. Фабрициус был и остается единственным, кто издал древнегреческий текст «Перипла» дважды. В первом издании рассматриваемый фрагмент выглядит следующим образом: «…Λευκὴ κώμη, δι’ ἧς ὁδός ἐστὶν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν,

---

[37] Lévêque 1962, 335; 1963, 428; 1966, 730–731.

[38] Например: Young 1997, 266–268.

[39] В некоторых публикациях (Young 1997, 266) данный фрагмент цитируется так, будто слово ἀνάβασις стоит и в рукописи.

[40] Vincent 1805, 231.

[41] Vincent 1809, 84.

βασιλέα Ναβαταίων»[42]. Вставив в текст своего издания слово ὁδός, отсутствующее в рукописи (и обозначив эту вставку в подстрочным примечании: «In proximis codex ὁδός praetermisit»), Фабрициус «преодолел» трудность, которая осталась непреодоленной в предыдущем издании В. Винсента.

Э.А. Шванбек, не оговаривая специально трудностей, возникающих в связи с интерпретацией рассматриваемого фрагмента «Перипла», определенно, осознавал их лучше своих предшественников. Рассуждая в статье «О “Перипле Эритрейского моря”» (незавершенной из-за преждевременной кончины) на тему возможной датировки «Перипла» (а эти рассуждения в полной мере сохраняют свою актуальность и в настоящее время), он обратился к упоминанию царя Малихи и процитировал этот фрагмент следующим образом: «…Λευκὴ κώμη, δι’ ἧς (ὁδός) ἐστὶν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν βασιλέα Ναβαταίων», во всяком случае слово ὁδός было взято им в скобки[43].

Карл Мюллер – выдающий знаток античной географии, которому классическая филология обязана, в частности, современной разбивкой текста «Перипла» на параграфы[44], «усовершенствовал» текст Фабрициуса тем, что вставку ὁδός обозначил квадратными (в отличие от Шванбека) скобками: «…Λευκὴ κώμη, δι’ ἧς [ὁδός] ἐστὶν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν, βασιλέα Ναβαταίων»[45]. В пространных комментариях непосредственно к тексту, которыми Мюллер снабдил свое издание, нет ни слова о состоянии рукописного текста и его исправлении. Данные комментарии даны им во введении и обнаружить их в массиве addenda et corrigenda весьма непросто. По мнению Мюллера, рукописное ναβαταιώς (sic!) следует интерпретировать следующим образом: «…Λευκὴ κώμη, δι’ ἧς ἐστιν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν βασιλέα Ναβαταίων [ἀνάβασις]»[46]. Так, впервые возникает трактовка искаженного рукописного чтения как Ναβαταίων ἀνάβασις, использованная позднее в изданиях Дж.У.Б. Хантингфорда (см. ниже) и Л. Кассона.

Э. Штрёйбель в своем переводе «Перипла» не обсуждал рукописное чтение анализируемого фрагмента. Его перевод, однако, едва ли не единственный, в котором точно отражен смысл оборота δι’ ἧς. В остальном он вполне традиционен: «Leuke Kome (Albus Vicus, zu deutsch: weißes Dorf), durch welches der Weg nach Petra zum Könige der Nabatäer, Malicha, geht»[47].

Дж.У. МакКриндл – неутомимый переводчик античных текстов об Индии – не мог обойти своим вниманием такой источник, как «Перипл». В своем переводе он, однако, полностью следовал своим предшественникам, в основном переводу К. Мюллера. Перевод § 19 напоминает скорее трактовку, данную ранее У. Винсентом: «…Leukê Kômê, and forming the point of communication with Petra, the residence of Malikhas, the king of the Nabatêans…»[48].

---

[42] Fabricius 1849, 11.

[43] Schwanbeck 1850, 341 (Anm. 1).

[44] Крупные современные исследователи не стесняются цитировать «Перипл» по изданию Мюллера (например: Habicht 1997, 128), хотя греческий оригинал был переиздан с существенными исправлениями после выхода в свет «Малых греческих географов» четырежды.

[45] Müller 1855, 272; ср. перевод, данный Мюллером: «Leucecome sive Albus vicus, unde via est in Petram urbem ad Malicham, regem Nabatæorum».

[46] Müller 1855a, cxliii.

[47] Streubel 1861, 20–21.

[48] McCrindle 1879, 75.

Несмотря на то что филологическая составляющая второго издания «Перипла» Б. Фабрициуса, долгое время считавшегося чуть ли не образцовым[49], была подвергнута Х. Фриском суровой критике, основной акцент в которой был сделан на недостаточном знании постклассического греческого[50], комментарии Фабрициуса к рассматриваемому фрагменту текста «Перипла» едва ли не наиболее подробные. В трактовке Фабрициуса текст «Перипла» в данном месте выглядит следующим образом: «…Λευκὴ κώμη, διά ἧς ὁδός ἐστιν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν, βασιλέα Ναβαταίων»[51]. В оригинальном тексте появился несокращенный предлог διά, а слова ὁδός и Ναβαταίων вставлены в текст без каких-либо скобок. В примечании издатель тем не менее отмечает, что слово ὁδός было им, как и независимо от него Шванбеком, дополнительно вставлено. Он также приводит исправления αναβαταιως в предшествующих изданиях (XVI–XVII вв.) на ναβαταιῶν (З. Гелениус) и ναβαταίων (В. Штук).

В.Х. Шофф представил следующий перевод описания дороги на Петру: «…White Village, from which there is a road to Petra, which is subject to Malichas, king of the Nabataeans»[52]. И в данном варианте присутствует и «от» вместо «через», и «дорога», и «(царь) набатейцев». Нельзя не отметить, что к трактовке данного фрагмента Шофф отнесся некритично. Впрочем, не будучи филологом-профессионалом основной акцент в своей работе Шофф сделал на географических комментариях.

Х. Фриск – автор первого и единственного на настоящий момент комплексного монографического филологического исследования о «Перипле». Несмотря на то что с момента выхода книги Фриска прошло без малого столетие, точные наблюдения и осторожные выводы автора должны и будут приниматься во внимание в любом исследовании, посвященном «Периплу», или в котором используются данные этого источника.

Так, Фриск указывает на то, что в рукописном αναβαταιως (ἀναβαταιῶς в трактовке Фриска) начальная *альфа* зачеркнута «второй рукой» – одним из схолиастов[53]. Данное наблюдение имеет право на существование, однако осмотр рукописи оставляет в его точности определенные сомнения: действительно, некий штрих идет вниз от нижнего контура *альфы*. Сама же *альфа* схолиастом не перечеркнута. Природу этого штриха прояснить, конечно, едва ли возможно, опираясь на лишь фотокопию рукописи. Фриск считает, что исправления в рукописный текст вносились на основе чтений в других фрагментах текста (т.е. «вторая рука» обладала основами текстологической критики). При этом единственным исключением как раз является слово Ναβαταίων, «которое в тексте больше не встречается, но которое должно было быть знакомо любому, обладавшему минимальным образованием»[54]. Данный вывод также едва ли может быть безоговорочно принят: уровень образования составителя «Перипла» едва ли можно определить достоверно, во всяком случае есть основания сомневаться в том, что он соответствовал даже представлениям об образовании людей «un peu lettré»[55]. С другой стороны,

---

[49] См. восторженную хвалу: Berger 1907, 599.

[50] Frisk 1927, 25–26.

[51] Fabricius 1883, 56.

[52] Schoff 1912, 29.

[53] Frisk 1927, 30.

[54] «…à l' exception seulement de Ναβαταίων qui ne se lit qu'une fois mais qui était sans doute familier à tout homme un peu lettré» (Frisk 1927, 32).

[55] Низкий уровень образования составителя «Перипла» констатировал и А. Диле (Dihle 1965, 25).

Фриск вступает здесь в противоречие с принципом, отмеченным им же самим: принимать исправления на основе аналогичных чтений в иных фрагментах текста.

Ж. Пиренн предложила два объяснения того, как в рукописи «Перипла» появилось чтение ἀναβαταιως. Объяснение Х. Фриска[56] (см. выше) кажутся ей неубедительными. Совместно с К. Прео ей была выработана следующая возможная цепь исправлений: ἀνάβασις → ἀναβάσεως → ἀναβαταίως. Сама же Пиренн предположила, что последнее слово является опиской из ἀναβατέον[57]. В следующих работах Пиренн вновь заявила, что датировку «Перипла» на основании упоминания Малихи – царя набатеев (19: 6. 29) она считает невозможной, так как, по ее мнению, Ναβαταίων появилось в рукописи после того, как чьей-то рукой в XV в. это слово было изменено с ἀνάβασις или ἀναβατέον и что составителем «Перипла» имелся в виду «холм» или «подъем»[58].

И.Ш. Шифман рассматривал форму ἀναβατίων (так он читает вместо ἀναβαταιως) как восходящую «к весьма древней традиции», засвидетельствованной в архиве Зенона (PSI. IV. 406. 1. 21–22): «συνεσκευάσατο τοὺς Ἀναβαταίους α Ναβαταίους»[59].

Дж.У.Б. Хантингфорд, приводя различные аргументы для датирования текста «Перипла», воспроизводит следующее чтение § 19 и его перевод: «…Λευκὴ κώμη δι’ ἧς ἐστὶν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν βασιλέα Ναβαταίων, <ἀνάβασις>» – «Leukē Kōmē (‘White Village’) from which there is <a route inland> to Petra, to Malichas king of the Nabataioi»[60]. Таким образом, и в его варианте из αναβαταιως получилось два слова: Ναβαταίων и ἀνάβασις.

Как уже отмечалось выше, в наиболее авторитетном издании «Перипла», подготовленном Л. Кассоном, рассматриваемая фраза приведена в следующем варианте: «…Λευκὴ κώμη, δι’ ἧς ἐστὶν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν, βασιλέα Ναβαταίων, <ἀνάβασις>»[61]. В соответствующем комментарии Кассон ссылается на рукописное чтение ἀναβαταιως, исправленное «второй рукой» на ναβαταίων. Также Кассон[62] указывает на то, что точно такая же ошибка встречается в папирусе середины III в. до н.э. (PSI 406. 1. 21–22; в папирусном документе читается ἀναβαταιους), ссылаясь при этом на работу Г.У. Бауэрсока[63].

Фраза «…Λευκὴ κώμη, δι’ ἧς ἐστὶν εἰς Πέτραν πρὸς Μαλίχαν, βασιλέα αναβαταιως», очевидно, лишена смысла. Чтение βασιλέα Ναβαταίων, принятое в издании Л. Кассона, также является попыткой придать фразе определенный смысл, причем явно иной, чем стремился ей придать составитель «Перипла». С одной стороны, в данном предложении, в том его виде, в котором оно приведено в рукописи, отсутствует

---

[56] Frisk 1927, 34.

[57] Pirenne 1961, 187–189.

[58] Pirenne 1961a, 450–451; 1970, 110–112.

[59] Шифман 1978, 137.

Присутствие *альфы* в начале формы ἀναβαταιους вызвало различные мнения относительно ее происхождения. Оно трактуется или как орфографическая ошибка, или как «отражение семитского артикля» (*al-* или *ha-*), или как отражение «ломаной» формы множественного числа от арабск. *’nbṭ*. См. подробнее: Graf 1990, 73.

[60] Huntingford 1980, 8; перевод повторяется и в основной части – при воспроизведении всего текста «Перипла» – на с. 31.

[61] Casson 1989, 60.

[62] Casson 1989, 254. Здесь Кассон повторяет наблюдение, сделанное ранее И.Ш. Шифманом.

[63] Bowersock 1983, 17 (n. 19).

указание на то, чьим царем был Малиха. Поэтому естественно желание издателей видеть в последнем слове искаженное обозначение его этнической принадлежности, появление начальной *альфы* в котором могло быть объяснено влиянием конечной *альфы* в предыдущем слове. С другой стороны, в этом предложении отсутствует и указание на то, что же имеется «через нее», т.е. через Левке Коме. Трудно предположить иной вариант для заполнения данной смысловой лакуны, чем «дорога». Однако в рукописи отсутствует слово ὁδός как само по себе, так и в виде возможного искажения. Упоминание же «дороги», «пути» от побережья – совершенно обязательная часть описания столиц тех царств и областей, которые встречались составителю «Перипла» на пути его следования (при этом бóльшая часть таких упоминаний сопровождается указанием на количество дней, необходимых на то, чтобы пройти тот или иной путь до столицы), тогда как оборот «царь + этноним в род. п. мн. ч.» является факультативным. Даже имя царя Малихи, соответствующее именам набатейских царей Малихи I и II, может быть интерпретировано как просто «царь» (арам. malk̲ā) безотносительно его этнической принадлежности[64]. К тому же еще А. Диле отмечал, что в античной литературе жители Петры часто упоминаются без отнесения их к набатеям[65].

Так, помимо предполагаемого пути в Петру от Левке Коме в «Перипле» упоминаются следующие маршруты от портов до столиц:

дорога (ὁδός) от Адулиса до Колое и дальше в Аксум (4: 2. 6–8);

от Музы до Савы (три дня) и Зафара (еще девять дней) (22–23. 7. 24–27), термина для обозначения пути или дороги в тексте нет, говорится лишь, что столицы лежат за портом (ὑπέρκειται...);

от Каны до Шабвы (27: 9. 7), термина для обозначения пути или дороги в тексте также нет, говорится лишь, что Шабва лежит за Каной (ὑπέρκειται...);

дорога (ὁδός) от Орайи (Huraiva-?) до неназванного города, в котором расположен царский двор страны персов на семь дней пути (37: 12. 17);

от Барбарика до Миннагара (столицы Скифии) (38: 13. 3); говорится, что столица лежит за портом в глубине материка (κατά νώτου μεσόγειος);

столица саков Миннагара упоминается в связи с описанием порта Баригаз (41: 14. 8), однако дорога между этими городами не упоминается; говорится, что ранее царский двор располагался в Озене (48: 16. 12);

дорога (ὁδός) от Баригазы до Пайтаны (20 дней пути) и Тагары (еще 10) (51: 17. 8–11);

говорится о проживании царей «обоих рынков» (имеются в виду цари Чера и Пандъя[66]) в глубине материка (55: 18. 11–12).

Таким образом, в «Перипле» трижды употребляется слово ὁδός для обозначения пути до столичного или другого важного торгового центра от морского побережья; в остальных четырех случаях говорится о том, что столица «расположена за» тем или иным портом, а в южноаравийской части «Перипла» дважды для этой цели используется форма ὑπέρκειται. Восстановление ὁδός в рассматриваемом фрагменте «Перипла» имело бы смысл, однако оно не опирается на рукописное чтение.

---

[64] Схожей точки зрения придерживались М. Роденсон (Rodinson 1974–1975, 211–212) и С. Сайдботам (Sidebotham 1986, 187–188); впервые вопрос таким образом, как кажется, был поставлен Ж.-Т. Рено (Reinaud 1864, 232).

[65] Dihle 1965, 16.

[66] Бухарин 2007, 170, с литературой.

Обозначение дороги до населенного пункта термином ἀνάβασις вполне рядовое явление, если речь идет о дороге в гору (например: Strabo. V. 2. 6 о дороге к городу волатерранцев) или внутрь страны (например: Strabo. VIII. 3. 4 о дороге от Киллены к Элиде). Так что, хотя расположение Петры на равнине (но среди скал) было хорошо известно в античной традиции уже в I в. до н.э. (Strabo. XVI. 4. 21[67]), употребление термина ἀνάβασις для указания на дорогу от побережья вглубь материка к Петре вполне возможно.

«Перипл» сохранился лишь в двух рукописях, и только одна из них имеет самостоятельное значение. Степень сохранности текста рукописи невысока. Данное восстановление ставит перед исследователем вполне закономерный вопрос (до сих пор, однако, в исследовательской литературе не поставленный): если речь в тексте «Перипла» идет о дороге от Левке Коме к Петре, то почему составитель «Перипла» не использовал слово ὁδός, совершенно обычное в древнегреческой литературе любого жанра для обозначения «дороги»? На сколько основательны попытки разглядеть в рукописном искажении «подозрительное» в контексте сухого («неживописного») описания Аравии ἀνάβασις? Ответ на поставленный вопрос (выявление дополнительной аргументации в пользу предложенного исправления данного фрагмента «Перипла») может быть дан, если сравнить сведения из анализируемого фрагмента с тем, что писал об этом регионе Диодор Сицилийский: «ἔστι δ' ἐν τῇ χώρᾳ τῶν Ναβαταίων[68] καὶ πέτρα καθ' ὑπερβολὴν ὀχυρά, μίαν ἀνάβασιν ἔχουσα, δι' ἧς κατ' ὀλίγους ἀναβαίνοντες ἀποτίθενται τάς ἀποσκευάς» (II. 48. 6) – «Есть в стране набатеев и скала, в высшей степени неприступная, имеющая одну лишь дорогу к вершине, поднимаясь по которой небольшими группами, они складируют свои пожитки».

При анализе источниковой базы «Исторической библиотеки» в целом считается, что ее автор не использовал то или иное сочинение какого-либо автора в качестве единственного источника своих сведений по тому или иному вопросу и что наряду с «Историей» Иеронима из Кардии, в которой описывались войны диадохов и события вплоть до смерти Пирра в 272 г. до н.э., основными источниками данных по Набатее для него послужило сочинение Агафархида Книдского, а также архивное собрание Птолемеев в Александрии, в котором хранились документы не только птолемеевского, но и более раннего периода[69]. При рассмотрении § 48 второй книги «Исторической библиотеки» Диодора издатели «Источников по истории набатеев» отмечают, что источниковая база данного параграфа неясна. По их мнению, фрагмент II. 48. 6–9, а также остальные параграфы, кроме первого (II. 48. 1), т.е. и тот, в котором содержится описание «Скалы» и подъема на нее, восходит к Иерониму из Кардии. При этом указывается на его сходство с другим фрагментом, определенно восходящим к Иерониму (XIX. 94. 1–100. 3), а весь параграф II. 48 преподносится как резюме набатейского логоса из девятнадцатой книги. В качестве сюжетов, к которым Диодор после второй книги (II. 48. 2–4) обращается повторно и в девятнадцатой книге (XIX. 94. 2–8), издатели называют воинственность набатеев, безводность их земли и наличие потайных колодцев, описанных также в другом фрагменте (II. 1. 4–6), добыча асфальта, а также упоминание «Скалы», под которой следует разуметь столицу Петру, названную, как таковую, в девятнадцатой

---

[67] Сведения Страбона о Петре восходят к философу Афинодору из Кананы, другу Страбона, бывавшему в набатейской столице (*Strabo*. XVI. 4. 21).

[68] Среди рукописных чтений встречается вариант ἀναβατῶν (Hackl, Jenni, Schneider 2003, 434).

[69] Hackl, Jenni, Schneider 2003, 430–431, с литературой.

книге (XIX. 95. 1–4). Сведения параграфа II. 48. 5 не повторяются в девятнадцатой книге (XIX. 94)[70].

Ниже приводится текст и перевод соответствущих фрагментов девятнадцатой книги «Исторической библиотеки» (XIX. 94. 7; 95. 1–4; 96. 1) Диодора Сицилийского: «τῆς γάρ γῆς οὔσης τῆς μὲν ἀργελλώδους, τῆς δὲ πέτραν ἐχούσης μαλακὴν ὀρύγματα μεγάλα ποιοῦσιν ἐν αὐτῇ, ὧν τά μὲν στόμια μικρά παντελῶς κατασκευάζουσι, κατά βάθους δ' ἀεὶ μᾶλλον εὐρυχωρῆ ποιοῦντες τὸ τελευταῖον τηλικοῦτ' ἀποτελοῦσι τὸ μέγεθος ὥστε γίνεσθαι πλευράν ἑκάστην πλέθρου… (1) Τά μὲν οὖν νόμιμα τῶν Ἀράβων τοιαῦτ' εἶναι συμβέβηκεν. Ὑπογύου δ' αὐτοῖς οὔσης πανηγύρεως, εἰς ἣν εἰώθασιν οἱ περίοικοι καταντᾶν οἱ μὲν ἀποδωσόμενοι τῶν φορτίων, οἱ δ' ἀγοράσοντές τι τῶν αὐτοῖς χρησίμων, εἰς ταύτην ἐπορεύθησαν, ἀπολιπόντες ἐπί τινος πέτρας τάς κτήσεις καὶ τοὺς πρεσβυτάτους, ἔτι δὲ τέκνα καὶ γυναῖκας. (2) τὸ δὲ χωρίον ὑπῆρχεν ὀχυρὸν μὲν καθ' ὑπερβολήν, ἀτείχιστον δὲ καὶ τῆς οἰκουμένης ἀπέχον δυεῖν ἡμερῶν ὁδόν. οἱ δὲ περὶ τὸν Ἀθήναιον παρατηρήσαντες τοῦτον τὸν καιρὸν ὥρμησαν ἐπὶ τὴν πέτραν εὔζωνον ἔχοντες τὴν δύναμιν· διανύσαντες δ' ἀπὸ τῆς Ἰδουμαίας ἐπαρχίας ἐν ἡμέραις τρισὶ καὶ νυξὶ ταῖς ἴσαις σταδίους δισχιλίους καὶ διακοσίους ἔλαθον τοὺς Ἄραβας περὶ μέσας νύκτας καταλαβόμενοι τὴν πέτραν. (3) εὐθὺς δὲ τῶν ἐγκατειλημμένων οὓς μὲν ἀνῄρουν, οὓς δ' ἐζώγρουν, ἐνίους δὲ τραυματίας ἀπέλιπον καὶ τοῦ μὲν λιβανωτοῦ καὶ τῆς σμύρνης συνεσκευάσαντο τὸ πλεῖον μέρος, ἀργυρίου δὲ περὶ πεντακόσια τάλαντα. ἐνδιατρίψαντες δ' οὐ πλείω χρόνον φυλακῆς <ἑωθινῆς> εὐθὺς ἀνέστρεψαν κατά σπουδήν, διαλαμβάνοντες ὑπὸ τῶν βαρβάρων διωχθήσεσθαι. διατείναντες δὲ σταδίους διακοσίους κατεστρατοπέδευσαν, ὄντες κατάκοποι καὶ ῥαθύμως ἔχοντες τά περὶ τάς φυλακάς, ὡς ἂν νομίζοντες μὴ πρότερον δύνασθαι τοὺς πολεμίους ἐλθεῖν δυεῖν ἢ τριῶν ἡμερῶν. (4) οἱ δ' Ἄραβες πυθόμενοι παρά τῶν ἐωρακότων τὸ στρατόπεδον παραχρῆμα ἠθροίσθησαν καὶ τὴν πανήγυριν ἀπολιπόντες ἦκον ἐπὶ τὴν πέτραν· παρὰ δὲ τῶν τραυματιῶν μαθόντες τὰ γεγονότα κατὰ σπουδὴν ἐδίωκον τοὺς Ἕλληνας… (1) Οἱ δὲ Ναβαταῖοι τοὺς πολεμίους κολάσαντες ἀνδρωδῶς αὐτοὶ μὲν ἐπανῆλθον εἰς τὴν πέτραν τά σφέτερα κεκομισμένοι» – «Так как земля богата глиной и известняком, а имеющаяся {у них} Скала мягкая, они делают в ней большие колодцы, горла которых оставляют очень маленькими, дно же все время раскапывают очень широким и, в конце концов, так увеличивают {его} размер, что каждая сторона достигает в ширину плетра[71]… (1) Таковы оказались законы арабов. Когда недавно случился у них всенародный праздник, на который имели обыкновение приходить окрестные жители; одни приходили на него для того, чтобы продать товар, другие – чтобы купить нужные им товары, они приходили на него, оставляя на некоей Скале свои пожитки, стариков, детей и женщин. (2) Эта местность была в высшей степени неприступной, не окруженной оградой и отстоящей от обитаемого мира на два дня пути. Окружение Афинея сочло этот момент удобным, чтобы подняться на Скалу с легковооруженным войском: пройдя от гиппарха Идумеи за три дня и три ночи расстояние в 2200 стадий, они захватили Скалу, оставшись незамеченными для арабов. (3) Из захваченных врасплох одних подняли {на мечи}, других взяли живьем, некоторых раненых оставили как есть и захватили большую часть {запасов} ладана и мирры, серебра же – около пятидесяти талантов. Они провели там времени не больше одной стражи и спешно бросились назад, опасясь преследования варваров. Отойдя на расстояние в 200 стадий, они, измученные усталостью и пренебрегши охраной, поставили лагерь, полагая, что враги могут их настичь не

[70] Hackl, Jenni, Schneider 2003, 433–434.

[71] 1 плетр = 30,83 м.

ранее чем через два–три дня. (4) Арабы же, узнав от наблюдателей {место расположения} лагеря, немедленно собрали войско и, оставив празднество, пришли к Скале; узнав от раненых о произошедшем, они тут же бросились вдогонку за эллинами… (1) Набатеи же, отважно покарав врагов, вернулись со своими пожитками на Скалу…».

Сведения Диодора о Набатее из девятнадцатой книги «Исторической библиотеки» возводились к Иерониму из Кардии (вторая половина IV – первая половина III в. до н.э.) достаточно давно[72]. Однако специальные работы об использовании Диодором сведений Иеронима, к сожалению, немногочисленны[73], хотя они не оставляют сомнений в том, что набатейский логос Диодора из девятнадцатой книги его «Исторической библиотеки» восходит именно к Иерониму.

В отношении набатейских сюжетов из второй книги «Исторической библиотеки» в исследовательской литературе утверждается: фрагмент второй книги, посвященный Набатее, а именно вся глава 48, также восходит к Иерониму[74], в основе сообщения о Набатее в первых пяти параграфах главы 48 второй книги (т.е. до упоминания «Скалы» и «подъема» на нее), а также фрагмента XIX. 94. 3 лежит неустановленный раннеэллинистический источник, поскольку в этих фрагментах набатеи описываются кочевниками, хотя к началу нашей эры натабейское общество стало в значительной степени оседлым[75]. Среди других источников сведений Диодора Сицилийского о Набатее, в частности глав 49–53 второй книги, т.е. сведения не только о Набатее, но и о ряде других соседних регионов на севере, западе и юго-западе, ее издатель Ч.Г. Олдфазер со ссылкой на Ф. Якоби (Fr.Gr.Hist. No. 87, Fr. 114) называет Посейдония[76]. При этом Олдфазер подчеркивает, что вторая часть главы 48 кратко повторяет сведения, изложенные in extenso далее (XIX. 98)[77], т.е., не называя Иеронима по имени, возводит данный фрагмент, начиная с упоминания асфальтового озера (т.е. совр. Мертвого моря), к его утерянному труду. Данное обстоятельство послужило основанием для значительной правки в тексте второй книги сочинения Диодора на основе книги девятнадцатой. При этом вопрос об источниковой основе первой части главы 48 второй книги остается без ответа.

Нельзя не отметить того, что данные о «Скале», к которой ведет единственная дорога, и об озере, сведения о котором повторяются на основе данных Иеронима, тесно связаны во второй книге сочинения Диодора: «ἔστι δ' ἐν τῇ χώρᾳ τῶν Ναβαταίων καὶ πέτρα καθ' ὑπερβολὴν ὀχυρά, μίαν ἀνάβασιν ἔχουσα, δι' ἧς κατ' ὀλίγους ἀναβαίνοντες ἀποτίθενται τὰς ἀποσκευάς· λίμνη τε μεγάλη φέρουσα πολλὴν ἄσφαλτον...» (II. 48. 6). Союз τε, определенно, вводит следующий объект перечисления после «Скалы».

Обращает на себя единая тональность при упоминании о «Скале» во второй и девятнадцатой книгах «Исторической библиотеки»: речь идет о некоей скале, возвышенности – месте укрытия набатеев. И в смысловом, и даже в терминологическом отношениях оба отрывка – II. 48. 6 и XIX. 95. 1 – очень близки: используются некоторые повторяющиеся слова, например, καθ'ὑπερβολὴν ὀχυρά, упоми-

---

[72] Reuss 1876, 560–562; об Иерониме из Кардии см. Jacoby 1913, 1540–1560; Brown 1947, 684–696; Hadley 1969, 142–152; Hornblower 1981.

[73] Simpson 1959, 370–379.

[74] Bedal 2004, 6 (n. 7).

[75] Raschke 1978, 965 (n. 1254).

[76] Diodorus of Sicily 1967, 47 (n. 3).

[77] Diodorus of Sicily 1967, 43 (n. 4).

нанию подъема (ἀνάβασις) из второй книги соответствует глагол движения вверх (ἐπανέρχομαι) в девятнадцатой.

Нельзя не признать, что смысл анализируемой фразы о «Скале» во второй книге «Исторической библиотеки» (II. 48. 6) не вполне ясен: набатеи (судя по всему, имеются в виду именно они), восходя небольшими группами на «Скалу» по единственному подъему, то ли складируют (ἀποτίθενται) свои пожитки (τάς ἀποσκευάς) у подножия, и там они лежат в безопасности, то ли берут их с собой и складируют их на «Скале». Второй из данных вариантов – использование «Скалы» как склада – читается в переводе Ч.Х. Олдфазера: «There is also in the land of the Nabataeans a rock, which is exceedingly strong since it has but one approach, and using this ascent they mount it a few at a time and thus store their possessions in safety…»[78].

Данная трактовка вполне согласуется с описанием обычаев набатеев и их торговой деятельностью в девятнадцатой книге (XIX. 95. 1–4). Согласуется она в данном аспекте и с сообщением в «Перипле»: «Ἔχει δὲ ἐμπορίου τινά καὶ αὐτὴ τάξιν τοῖς ἀπὸ τῆς Ἀραβίας ἐξαρτιζομένοις εἰς αὐτὴν πλοίοις οὐ μεγάλοις» (19: 6. 29–31). Речь здесь идет о доставке в Левке Коме грузов из «Аравии», т.е. из земель, лежащих южнее Набатеи, вплоть до порта Муза, который, как известно из того же «Перипла» (21: 7. 21), был полон «арабов» (Ἀράβων). Далее эти грузы должны были доставляться через Левке Коме в Петру[79]. О том же самом сообщает и Диодор Сицилийский: набатеи поднимают свои «пожитки» на «Скалу», т.е. отвозят их в Петру. Дорога же на «Скалу» вполне естественно обозначена как ἀνάβασις, поскольку путь на любую возвышенность логично подразумевает подъем вверх. Не будет слишком смелым предположение, что автор этого сообщения в Набатее в целом и в Петре в частности не бывал, а если сам и бывал, то его интерпретаторы уже поняли данное сообщение так, как оно передано Диодором. Во всяком случае, можно констатировать, что сообщение «Перипла» о доставке грузов в Левке Коме и существовании «анабасиса» в Петру согласуется с тем, что известно из «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского (II. 48. 6). Содержательная близость данных фрагментов позволяет с большей уверенностью интерпретировать искаженное рукописное чтение αναβαταιως как ἀνάβασις.

Было бы, однако, слишком наивно полагать, что составитель «Перипла» напрямую обращался к тексту Диодора. Можно было бы предположить, что его информаторами по «набатейскому вопросу» были сами набатеи, которые работали караванщиками на путях между красноморскими и нильскими портами. Их присутствие в Египте подтверждается надписями[80]. Однако такой подход подразумевал бы получение составителем «Перипла» более точной информации, чем туманная ссылка

---

[78] Diodorus of Sicily 1967, 43

[79] О доставке в Петру благовоний «из так называемой лежащей выше Аравии» (ἐκ τῆς ἄνω λεγομένης Ἀραβίας) сообщал и Агафархид Книдский. Однако в его сочинении «Об Эритрейском море» речь, определенно, идет об использовании караванных маршрутов: поставщиками благовоний названы минейцы и геррейцы (De mari. 89a, b, c; по другим изданиям (Woelk 1966, 73) данное сообщение отнесено к § 87), не имевшие отношения к морской торговле. При этом ссылка Д. Вёлка (Woelk 1966, 73–74) на доставку ладана и прочих благовоний жителями Ма'ина и Герры на кораблях как в тексте Фотия, так и у Диодора (III. 42. 5) не основана на древнегреческом тексте и является результатом неверной интерпретации данных источника.

[80] См., например: Zayadine 1990, 151–174; Cuvigny, Bülow-Jacobsen 1999, 154–156, 167–168.

на ἀνάβασις. Текст же «Перипла» указывает на смысловое и терминологическое сходство с данными информатора Диодора.

Сопоставив фразы составителя «Перипла» и автора «Исторической библиотеки» соответственно, можно предположить, что реальной определенной информации о Набатеи у составителя «Перипла» не было и что, говоря о столице Набатеи (Петре), он оперировал книжными и не всегда верно понятыми им сведениями о «Скале», о которой говорил Диодор со слов своего информатора. Сведения же Диодора о «Скале» (πέτρα), конечно, восходят к описанию столицы (Пе́тра), однако составитель «Перипла» прибег к таким ненадежным сведениям, так как сам на набатейском побережье, очевидно, никогда не был и достоверных сведений о регионе не имел. Такая гипотеза подтверждается отсутствием какой-либо информации о торговом обороте в порту Левке Коме, тогда как данные о товарах, продаваемых и покупаемых в том или ином порту, составитель «Перипла» приводит для тех мест, достоверной информацией о которых он обладал. Отсутствие личного опыта пребывания на набатейском побережье Эритрейского моря может быть подтверждено и тем, что составитель «Перипла» не приводит точного расстояния от порта отправления до порта назначения, что имеет место тогда, когда у него нет сведений о том или ином регионе.

Предполагаемое использование составителем «Перипла» термина ἀνάβασις для обозначения пути от Левке Коме до Петры, при том, что дорога до остальных столиц от морского побережья или никак специально не обозначалась, или обозначалась более ожидаемым ὁδός, тем и объясняется, что описание этого региона дано автором не на основе личного опыта – собственного или своих информаторов из среды морских торговцев, – а на основе литературной или, даже точнее, окололитературной традиции.

Можно также представить, что в бессмысленном βασιλέα αναβαταιως следует видеть указание на βασιλέα Ναβαταίων ἀνάβασις или, что исходя из рукописного чтения представляется более вероятным, βασιλέα ἀνάβασις без указания на этническую принадлежность царя Малихи.

Действительно, в наиболее раннем сообщении о Петре, авторство которого не подлежит сомнению, в трактате «Об Эритрейском море» Агафархида Книдского (первая половина II в. до н.э.) Петра названа Пе́тра τῆς Ἀραβίας (apud Diod. III. 42. 5).

Именно в этом трактате (§ 89a) «угадывается» описание дороги из Южной Аравии от красноморского побережья и далее до Петры (т.е. через Левке Коме): «Τῇ δὲ εἰρημένῃ παραλίᾳ συνάπτει μὲν τόπος, ὃν προσηγόρευσαν Νῆσσαν ἀπὸ τῆς τοῦ ζώου πολυπληθίας· αὕτη δὲ ἡ Νῆσσα κεῖται μὲν ἐγγὺς ἀκρωτηρίου καθ’ ὑπερβολὴν ὑλώδους, διατείνει δὲ ἀπ’ εὐθείας θεωρουμένη πρός τε τὴν Πέτραν καλουμένην καὶ τὴν Παλαιστίνην, εἰς ἣν Γερραῖοι καὶ Μιναῖοι καὶ πάντες οἱ πλησίον ἔχοντες τὰς οἰκήσεις Ἄραβες τόν τε λιβανωτὸν, ὡς λόγος, καὶ τὰ φορτία τὰ πρὸς εὐωδίαν ἀνήκοντα ἀπὸ τῆς χώρας τῆς ἄνω κατάγουσιν»[81].

Происхождение данного отрывка из сочинения Агафархида едва ли возможно определить достоверно. Однако в сочинении Диодора Сицилийского имеется фрагмент, явно восходящий к тому же источнику (если не к самому Агафархи-

---

[81] «К только что упомянутому побережью примыкает место, называемое Несса (др.-греч. «утка». – *М.Б.*) от обилия [там] этих существ; сама же Несса лежит рядом с мысом, чрезвычайно богатым лесами; тянется же (дорога?), если смотреть по прямой, к так называемой Петре и Палестине, в которую геррейцы, минейцы и все рядом живущие арабы свозят, как говорят, ладан и товары, относящиеся к благовониям из страны Верхней (Аравии)». Диодор, пересказывая данный фрагмент Агафархида (III. 42. 5), передает название Аравии как ἐκ τῆς ἄνω λεγομένης Ἀραβίας.

ду – соответствующее сопоставление в издании сочинения Агафархида С.М. Берстейном[82] отсутствует, Берстейн дает лишь ссылку на фрагмент 89b, который повторяет другой фрагмент сочинения Диодора – III. 42. 5): «οὐκ ὀλίγων δ' ὄντων Ἀραβικῶν ἐθνῶν τῶν τὴν ἔρημον ἐπινεμόντων οὗτοι πολὺ τῶν ἄλλων προέχουσι ταῖς εὐπορίαις, τὸν ἀριθμὸν ὄντες οὐ πολὺ πλείους τῶν μυρίων· εἰώθασι γὰρ αὐτῶν οὐκ ὀλίγοι κατάγειν ἐπὶ θάλασσαν λιβανωτόν τε καὶ σμύρναν καὶ τὰ πολυτελέστατα τῶν ἀρωμάτων, διαδεχόμενοι παρὰ τῶν κομιζόντων ἐκ τῆς Εὐδαίμονος καλουμένης Ἀραβίας» (XIX. 94. 4–5)[83]. В данном отрывке не только говорится о том же, о чем повествует Агафархид (хотя и другими словами; о запасах ладана и мирры Диодор со слов Иеронима отмечал и ранее – XIX. 95. 3). Здесь также сообщается о дороге к морю – определенно о той же, о которой речь в «Перипле», т.е. о дороге между Петрой и Левке Коме, а также проводится мотив «спуска» к морскому побережью из глубины материка и соответственно «подъема» к Петре.

Сам Агафархид, вероятно, не очень точно понимал предмет описания. Во всяком случае, обозначение Νῆσσα, переданное патриархом Фотием, является продуктом смешения слова «νῆσσα» («утка») с обозначением «острова» («νῆσος»), описание которого передано другими эпитоматорами Агафархида:

παραπλεύσαντι δὲ τὸν Φοινικῶνα πρὸς ἀκρωτηρίῳ τῆς ἠπείρου νῆσός ἐστιν ἀπὸ τῶν ἐναυλιζομένων ἐν αὐτῇ ζῴων Φωκῶν νῆσος ὀνομαζομένη… (Diod. III. 42. 5)[84];

εἶθ' ἑξῆς ἔστι νῆσος φωκῶν, ἀπὸ τοῦ πλήθους τῶν θηρίων τούτων ὠνομασμένη. πλησίον δ' αὐτῆς ἀκρωτήριον, ὃ διατείνει πρὸς τὴν Πέτραν τὴν τῶν Ναβαταίων καλουμένων Ἀράβων καὶ τὴν Παλαιστίνην χώραν, εἰς ἣν Μιναῖοί τε καὶ Γερραῖοι καὶ πάντες οἱ πλησιόχωροι τὰ τῶν ἀρωμάτων φορτία κομίζουσιν (Strabo. XVI. 4. 18)[85].

Агафархид не указывает однозначно, что тянется «по прямой» (ἀπ' εὐθείας), хотя он и дает этому понятию дополнительную характеристику θεωρουμένη.

Д. Вёлк так переводит интересующий нас отрывок: «Diese „Nessa" liegt in der Nähe eines außerordentlich waldreichen Vorgebirges und erstreckt sich in gerader Linie bis Petra und nach Palästina…»[86]. С.М. Берстейн дает следующее толкование этого фрагмента: «If one sights along a straight line drawn thought it, the line would extend to the so-called Rock and Palestine…»[87]. Таким образом, по мнению Вёлка, «по прямой» до самой Палестины тянется Несса; по мнению Берстейна, между мысом, Петрой и Палестиной не тянется ничего, кроме воображаемой прямой. Если толкование Вёлка заведомо неточно – никакое место, тем более остров, «тянуться» от набатейского побережья до Палестины не может, – мнение Берстейна также следует отвергнуть, так как все прочие источники (Диодор, Страбон, «Перипл») говорят о дороге между красноморским побережьем и Петрой.

---

[82] Burstein 1989.

[83] «Немало из аравийских народов кочует по пустыне, эти же (набатеи. – *М.Б.*) возвышаются богатством над прочими, хотя числом не на много превышают 10 000: ибо немало {из них} имеют обыкновение спускаться к морю и скупать ладан, мирру и наиболее дорогие из благовоний у торговцев из так называемой Счастливой Аравии».

[84] «После же плавания вдоль Страны финиковых пальм рядом с прибрежным мысом встречается остров, который, от ночующих на нем существ, называется Остров тюленей».

[85] «Затем следует Остров тюленей, называемый от обилия этих существ. Рядом с ним расположен мыс, который тянется к Петре, принадлежащей арабам, именуемым набатеями, и к палестинской стране, в которую минейцы, и геррейцы и живущие рядом доставляют благовонные грузы».

[86] Woelk 1966, 73 (Anm. 2).

[87] Burstein 1987, 148–149.

Очевидно, что ссылка Страбона на «мыс, который тянется к Петре и Палестине», бессмысленна: при выписке из оригинального текста и его копировании из одного сочинения в другое смысл фразы был утерян, а сам эпитоматор предмета описания не знал. В противном случае мыс не тянулся бы к материковому поселению и области, отделенной от мыса современным Синайским полуостровом. Берстейн обвиняет в недопонимании смысла источника Фотия[88]. При этом сам Берстейн не обращает внимания на то, что появление Тюленьего острова у набатейского побережья – топографическая нелепость.

Эратосфен локализует этот остров в южной части современного Красного моря, рядом с Соколиным и Черепашьим островами[89], т.е. в районе современного архипелага Фарасан[90]. Приблизительно такая же локализация следует из упоминаний Черепашьего острова (Insulae Chelonitis) Плинием Старшим (NH. VI. 151; этот же остров Плиний упоминает и дальше (VI. 169) под названием Halonesi, явно опираясь на другой источник), и Клавдием Птолемеем (Χελωνίτιδες – IV. 8. 37), располагавшим его у африканского берега Эритрейского моря. Insulae Chelonitis помещены Плинием рядом с gentes… Casani… insulae Alaea… insulae Pteros, insulae multae, maxima Camari, Scenitae Sabaei… emporium eorum Acila. Южную границу территории, описанной в этом фрагменте, составляет Окелис – прибрежное поселение, которое должно было находиться у Баб-эль-Мандебского пролива, а северную – ареал обитания племенного объединения ĠSN (Casani), а также архипелаг Камаран (Camari) на аравийском побережье, и острова Хоачил (insulae Alaea)[91] возле африканского.

Остров Halonesi расположен Плинием рядом с островами Cardamine и Topazos. Первый тождественен Καρδαμίνη Клавдия Птолемея – совр. о. Харат (Harat) (16°07'24"N; 39°27'25"E)[92]. Остров Харат относится к архипелагу Дахлак и лежит у эритрейского побережья у северного входа в канал Массава. Таким образом, Плиний и Птолемей локализуют Черепаший остров в одном и том же регионе. Острова же Cardamine следует в таком случае отождествлять с архипелагом Дахлак, а Черепаший остров оказывается, таким образом, лежащим практически на одной широте с Ястребиным.

Исходя из цитированных данных Страбона, восходящих к Эратосфену, можно предположить, что и Тюлений остров, упомянутый между Ястребиным и Черепашьим, следует искать на широте современных архипелагов Дахлак и Фарасан. Размещение же на карте острова Φωκῶν в непосредственной близости от страны Φοινικῶν можно объяснить разве что стремлением поставить на карте рядом сходные по звучанию названия, что, конечно, говорит о совершенном незнании географии красноморского региона. Возможно, патриарх Фотий, увидев такую оплошность в тексте эпитоматора Агафархида или в самом его сочинении, стремился, таким образом, исправить текст, убрав из него очевидную неточность (привнеся, однако, неточность другую). Во всяком случае, ясно, что и Страбон исказил смысл источника. Остается признать, что из трех версий именно версия Диодора Сицилийского передает оригинальное описание набатейского побережья Агафархидом с наименьшими искажениями.

---

[88] Burstein 1989, 148 (n. 1).

[89] τῶν δὲ νήσων τινὲς τρεῖς ἐφεξῆς κεῖνται, ἡ μὲν χελωνῶν ἡ δὲ φωκῶν ἡ δ' ἱεράκων λεγομένη – «Из островов три лежат непосредственно друг за другом: Черепаший, Тюлений и Ястребиный остров» (XVI. 4. 14).

[90] См. об этом отождествлении: Бухарин 2009, 279.

[91] См. об этом отождествлении: Бухарин 2009, 191.

[92] См. об этом отождествлении: Бухарин 2009, 192.

При анализе описания пути к Петре в сочинении Агафархида ясно, что тянуться (в данном случае, если смотреть «по прямой») от побережья к столичному поселению может только дорога, реальная или воображаемая, прочерченная на карте. Использование причастия женского рода θεωρουμένη при отсутствии согласованного с ним имени существительного может указывать на то, что в качестве подлежащего использовалось не само это субстантивированное причастие, а что подлежащее было опущено; в качестве такового следует рассматривать существительное, например, ἀνάβασις, употреблявшееся при описании пути к Петре от побережья Эритрейского моря в сочинении Диодора Сицилийского, восходящем к Иерониму из Кардии.

Можно предположить, что все три версии описания набатейского побережья в сочинении Агафархида Книдского передают описание морского пути из южной части Красного моря – от наиболее северных островов в данном регионе, расположенных между аравийским и африканским берегами, т.е. последних на пути на север и потому важных ориентирах, – к Левке Коме и далее в Петру и Палестину. В «Перипле» говорится о вывозе восточноафриканских благовоний в Аравию – они характеризуются как «τά εἰς Ἀραβίαν προχωροῦντα» (8: 3. 29–32). Также интересна характеристика «арабов», торговавших в порту Муза[93]. «Арабы» из Музы, кто бы под ними не имелся в виду – североаравийское племя аль-'Аш'ар, осевшее в Юго-Западной Аравии (крайний юго-запад Аравии назывался по их этнониму 'Ελισάρων χώρα во «Введении в географию» Клавдия Птолемея (33; VI. 7. 7)), или сами набатеи[94] – и поддерживали торговые контакты по морю и с Набатеей[95]. Таким образом, описание «прямой» от Тюленьего острова, лежащего якобы у набатейского побережья, в Петру и далее в Палестину Агафархида Книдского, скорее всего, восходит к картографическому источнику, возможно, лоции, в котором был графически представлен морской путь из южной части современного Красного моря в набатейский порт Левке Коме и далее уже по суше в Петру и Палестину.

Очевидно, что «по прямой» дорога между несколькими пунктами, лежащими на разных долготах, может идти только на карте, составленной схематично, т.е. с искажениями. В качестве таковой можно было бы рассматривать гипотетическую карту морских путей и сухопутных дорог. Можно, таким образом, предположить, что в основе сообщения Агафархида, а значит, и всей позднейшей античной традиции о Набатее в той ее части, где повествуется о дороге от Левке Коме к Петре, лежит ранне- (Иероним из Кардии), а также, возможно, среднеэллинистический,

---

[93] Τὸ μὲν ὅλον Ἀράβων, ναυκληρικῶν ἀνθρώπων καὶ ναυτικῶν, πλεονάζον καὶ τοῖς ἀπὸ ἐμπορίας πράγμασι κινεῖται˙ συγχρῶνται γάρ τῇ τοῦ πέραν ἐργασίᾳ καὶ Βαρυγάζων ἰδίοις ἐξαρτισμοῖς – «Он полон аравийцев – людей, владеющих кораблями, и опытных мореходов, и бурлит торговыми сделками: они участвуют как в торговле "на том берегу", так и в Баригазах своими собственными поставками» (21: 7. 21–23). Указание на то, что они участвовали в торговле с индийским портом Баригазы, разъясняется в «Перипле» далее: о. Сокотра служил местом встречи для торговцев из Музы и Баригаз (31: 10. 21–22), где они и вели торговлю.

[94] Ср. отождествление «арабов» и набатейцев в «Исторической библиотеке» Диодора Сицилийского: ἐπὶ τὴν χώραν τῶν Ἀράβων τῶν καλουμένων Ναβαταίων – «…на страну Арабов, называемых набатейцами» (XIX. 94. 1).

[95] Λευκὴ κώμη, δι' ἧς ἐστὶν εἰς Πέτραν… <ἀνάβασις>. Ἔχει δὲ ἐμπορίου τινά καὶ αὐτὴ τάξιν τοῖς ἀπὸ τῆς Ἀραβίας ἐξαρτιζομένοις εἰς αὐτὴν πλοίοις οὐ μεγάλοις – «…Левке Коме, через которую есть <дорога> в Петру... И она обустроена под рынок для небольших кораблей, поставляющих [товары] из Аравии в нее» (19: 6. 28–31).

картографический, источник. Этим, вероятно, и следует объяснить тот факт, что дорога к Петре от Левке Коме, как бы она ни обозначалась, идет, по мысли составителя «Перипла», не «от», а «через» Левке Коме.

При пересказе данного источника Агафархид переместил Тюлений остров из южной части Эритрейского моря (эта локализация восходит к Эратосфену и его информаторам) к набатейскому побережью. В еще более упрощенном виде эта информация попала в «Перипл». В нем «появляется» порт Левке Коме, информация о котором попала в римский Египет после похода Элия Галла, сохранилось описание дороги «через» побережье, однако в качестве пункта отправления фигурируют не острова в южном красноморье, а Береника – важнейшая точка отсчета для составителя «Перипла».

Итак, предположительно можно утверждать следующее. Составитель «Перипла» не был в Левке Коме, о чем говорит отсутствие в нем привычного перечня товаров, продаваемых и покупаемых в этом порту, а также отсутствие конкретных данных о расположении данного порта. Однако он знает, что в этот порт доставлялись товары из более южных частей Аравии и что эти товары транспортировались в Петру. Эти сведения содержатся и в более ранней литературе. По содержанию его рассказ ближе всего примыкает к данным, восходящим к эпопее Элия Галла в Аравии, терминологически – к данным информатора Диодора Сицилийского и Агафархида Книдского. Для обоих этих авторов источником информации о Набатее, ее торговле с Южной Аравией, способах получения товаров – по суше и по морю – послужило сочинение Иеронима из Кардии. В свете вышесказанного конъектуру в тексте «Перипла» (19: 6. 29) αναβαταιως > ἀνάβασις следует признать весьма правдоподобным. Это обстоятельство, в свою очередь, позволяет утверждать, что составитель «Перипла» использовал при описании набатейского побережья Красного моря отнюдь не только и даже не столько личный опыт, сколько данные раннеэллинистической традиции, отраженные в сочинениях Агафархида Книдского и Диодора Сицилийского. «Заполняя карту» своего перипла он был вынужден оперировать теми сведениями, которые имелись в его распоряжении. При описании порта Левке Коме, т.е. первого на аравийском побережье Эритрейского моря, к современным ему сведениям (собственно наличию этого порта) он добавил то, что упомянуто и авторами предшествующих столетий. Этот вывод, конечно, не означает, что составитель «Перипла» знал данные сочинения и именно из них получил нужные ему сведения. Однако и исключить этого нельзя.

Сведения	Терминология	Автор первоисточника	Источник цитирования
«Скала» – место сбора и укрытия набатеев, на которую имеется подъем	ὁδός, ἐπανέρχομαι	Иероним из Кардии	«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского
Имеется единственная дорога (подъем) на «Скалу» (Петру)	ἀνάβασις, κατάγειν	Иероним из Кардии	«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского
Имеется прямая (дорога) к Петре («Скале»)	διατείνει δὲ ἀπ’ εὐθείας θεωρουμένη (ἀνάβασις?)	Агафархид Книдский	«Историческая библиотека» Диодора Сицилийского
Имеется дорога к Петре («Скале»)	ἀνάβασις (?)	Иероним из Кардии (?), Агафархид Книдский (?)	«Перипл Эритрейского моря»
Набатеи покупают у торговцев из Южной и Восточной Аравии благовония на побережье		Иероним из Кардии (?), Элий Галл (?)	«Перипл Эритрейского моря»

Вероятное влияние данных, восходящих к походу Элия Галла, на формирование «Перипла» прослеживается и в описании порта Счастливая Аравия: составитель «Перипла» завершает его ссылкой на «покорение» (а не на разрушение[96]) порта «неким Кесарем незадолго до наших времен»: Νῦν δὲ οὐ πρὸ πολλοῦ τῶν ἡμετέρων χρόνων Καῖσαρ αὐτὴν κατεστρέψατο (26: 8. 31–32). Такое сообщение было связано с неточной передачей сведений, которые отразились прежде всего в «Деяниях божественного Августа» (копии которых с греческим переводом были разосланы в разные части Империи после 14 г. н.э.) о претензиях на покорение Счастливой Аравии, а также в творениях Вергилия и Горация[97]. Подобные претензии могли появиться в связи с аравийской кампанией Элия Галла, войско которого, однако, до океанского побережья Сабы и Катабана не дошло.

Судя по всему, составитель «Перипла» был знаком с рассказом об аравийской кампании Элия Галла, однако этот рассказ должен был претерпеть определенные мутации по сравнению с тем, как он изложен у Страбона и Плиния Старшего. Эти мутации должны были объясняться определенной примитивизацией и мифологизацией исходных данных. Однако стремясь заполнить белое пятно на побережье Северо-Западной Аравии, составитель «Перипла» начинает рассказ именно с того порта, который первым отмечен в сообщении об этой римской авантюре в Аравии, а не с того, который мог бы быть ему известен или на основе личного опыта (случись ему побывать там самому), или на основе сведений античной географической науки. Кроме Левке Коме в рассказе Страбона о походе римлян в Южную Аравию другие порты не упоминаются; следующий – Эгра – упоминается (XVI. 4. 24) лишь при описании бесславного возвращения. Характерно, что путь Элия Галла закончился там, где проходил морской маршрут в Левке Коме для составителя «Перипла» – в Миос Гормос (Strabo. XVI. 4. 24).

Весьма вероятно, что информация о набатейском побережье «Перипла» свидетельствует о влиянии двух источниковых традиций на его составителя: ранне- и среднеэллинистической этно- и картографии, в которых отразились данные о функционировании морской ветви «Пути благовоний», а также и упрощенные сведения, перешедшие в разряд «слухов», о римской военной кампании в Аравии под руководством Элия Галла.

Литература

Бухарин М.Д. 2002: «Воинственные бактриане» в «Перипле Эритрейского моря» // *Бонгард-Левин Г.М.*, *Бухарин М.Д.*, *Вигасин А.А.* Индия и античный мир. М., 256–261.

Бухарин М.Д. 2007: Неизвестного автора «Перипл Эритрейского моря»: текст, перевод, комментарий, исследования. СПб.

Бухарин М.Д. 2009: Южная Аравия, Средиземноморье и Восточная Африка: торговые и историко-культурные связи. М.

Бухарин М.Д. в печати: «Конечный пункт возвращения» в «Перипле Эритрейского моря» (3: 1. 12–15) // Историческая география. 1.

Страбон 1994: География в 17 книгах / Пер., статья и коммент. Г.А. Стратановского. Под общей ред. С.Л. Утченко. Ред. Перевода О.О. Крюгер. М.

Фукидид 1993: История / Изд. подг. г.А. Стратановский, А.А. Нейхард, Я.М. Боровский. М.

---

[96] Данная трактовка наиболее распространена. В последний раз она встречается в статье норвежского исследователя Э.Х. Зеланда, специально посвященной данному сюжету (Seland 2005, 60, 65 (n. 2)).

[97] Mordtmann 1890, 180; более подробно: Seland 2005, 65–62; Бухарин 2007, 112–115; 2009, 66–69.

Шифман И.Ш. 1978: К вопросу о датировке § 19 «Перипла Эритрейского моря» // Палестинский сборник. 26 (89), 136–139.

Bedal L.-A. 2004: The Petra Pool-Complex: A Hellenistic Paradeisos in the Nabataean Capital. Piscataway.

Bernard P. 1987: Les nomades conquérants de l'empire gréco-bactrien. Réflexions sur leur identité ethnique et culturelle // CRAI. 131/4, 758–768.

Berger E.H. 1907: Ἐρυθρά θάλασσα // RE. 11, 592–601.

Bowersock G.W. 1983: Roman Arabia. Cambr.

Brown T.S. 1947: Hieronymus of Cardia // AHR. 52/4, 684–696.

Bukharin M.D. 2005–2006: Romans in the Southern Red Sea // Arabia. 3, 135–140.

Bukharin M.D. 2010: Mecca on the Caravan Routes in pre-Islamic Antiquity // The Qur'ān in Context. Historical and Literary Investigations into the Qur'ānic Milieu / A. Neuwirth, N. Sinai, M. Marx (Eds.). Leiden–Boston, 115–134.

Bukharin M.D. 2011: The Notion τὸ πέρας τῆς ἀνακομιδῆς and the Location of Ptolemais of the Hunts in the *Periplus of the Erythraean Sea* // AAE. 22, 219–231.

Bukharin M.D. in press: Ptolemais in Arabia and Expeditions of Anaxicrates and Dionysios // Bulletin of MIHO-Museum.

Burstein S.M. 1989: Agatharchides of Knides. On the Erythraean Sea. L.

Casson L. 1980: Rome's Trade with the East: The Sea Voyage to Africa and India // TAPhA. 110, 21–36.

Casson L. 1983: Sakas versus Andhras in the Periplus Maris Erythraei // JESHO. 26/2, 164–177.

Casson L. 1989: The Periplus Maris Erythraei. Text with Introduction, Translation and Commentary. Princeton.

Chittick N. 1980: Indian Relations with East Africa before the Arrival of the Portuguese // JRAS. 2, 117–127.

Cuvigny H. 2010: Qāni' chez les auteurs grecs et latins // Qāni'. Le port antique du Ḥaḍramawt entre la Méditerranée, l'Afrique et l'Inde. Fouilles russes. 1972, 1985–1989, 1991, 1994 / J.-F.Salles et A.V. Sedov (eds.). (Indikopleustoi. Archaeologies of the Indian Ocean. 6). Turnhout, 419–437.

Cuvigny H., *Bülow-Jacobsen A*. 1999: Avec des contributions de Laïla Nehmé et Christian Robin. Inscriptions rupestres vues et revues dans le désert de Bérénice // BIFAO. 99, 133–193.

Dihle A. 1965: Das Datum des Periplus des Roten Meeres // *Dihle A*. Umstrittene Daten. Untersuchungen zum Auftreten der Griechen am Roten Meer (Wissenschaftliche Abhandlungen der Arbeitsgemeinschaft für Forschung des Landes Nordrhein-Westfalen. Bd 52). Köln, 9–35.

Diodorus of Sicily 1967: In Twelve Volumes. II. Books II (Continued) 35 – IV, 58. With an English Translation of C.H. Oldfather (The Loeb Classical Library. 303). Cambr. – L.

Dodwell H. 1698: De Geographorum, quos Primum hoc Volumen continet, Ætate et Scriptis Dissertationes. Dissertatio Quarta. De Aetate Peripli Maris Erythraei Ejusquem Auctore // *Hudson J*. Geographie Veteris Scriptores Græci Minores. Cum Interpretatione Latina, Dissertationibus, ac Annotationibus. Vol. I. Oxoniae, 85–105.

Fabricius B. 1849: Arriani Alexandrini Periplus Maris Erythraei. Dresdae.

Fabricius B. 1883: Der Periplus des Erythraeischen Meeres von einem Unbekannten. Lpz.

Frézouls E. 1984: Quelques enseignements de Périple de la Mer Érythrée // Ktema. 9, 305–325.

Frisk H. 1927: Périple de la Mer Érythrée suivi d'une étude sur la tradition et langue (Göteborgs Högskolas Årsskrift. Bd 33). Göteborg.

Graf D. 1990: The Origin of the Nabataeans // Aram. 2, 45–75.

Habicht Chr. 1997: Zu Kapitel 35 des Periplus des Roten Meeres // ZPE. 115, 128–130.

Hackl U., Jenni H., Schneider Chr. 2003: Quellen zur Geschichte der Nabatäer. Textsammlung mit Übersetzung und Kommentar. Mit Beiträgen von D. Keller. Freiburg– Göttingen.

Hadley R.A. 1969: Hieronymus of Cardia and Early Seleucid Mythology // Historia: Zeitschrift für Alte Geschichte. 18/2, 142–152.

Hornblower J. 1981: Hieronymus of Cardia. Oxf.

Huntingford G.W.B. 1980: The Periplus of the Erythraean Sea by an Unknown Author. With Some Traces from Agatharkhides «On the Erythraean Sea» (Works Issued by the Hakluyt Society. Second Series. 151. Issued for 1976). L.

Jacoby F. 1913: Heronymos 10 // RE. 8 (16), 1540–1560.

Jeep L. 1897: Beiträge zur Quellenkunde des Orients im Altertum // RhM. 52, 213–236.

Lévêque P. 1962 : Une chronologie nouvelle des royaumes sud-arabes et du Périple de la Mer Érythrée // Revue des Études Grecques. 75, 231–235.

Lévêque P. 1963: La date du Périple de la Mer Érythrée // RÉG. 76, 428–429.

Lévêque P. 1966: Nouvelles contestations sur le Périple de la Mer Érythrée // REG. 79, 730–732.

McCrindle J.W. 1879: The Commerce and Navigation of the Erythraean Sea; Being a Translation of the Periplus Maris Erythraeai, by an Anonymous Writer and of Arrian's Account of the Voyage of Nearkhos from the Mouth of the Indus to the Head of the Persian Gulf. London–Bombay–Calcutta.

Mordtmann J.H. 1890: Anzeigen: *Glaser E*. Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens von den ältesten Zeiten bis zum Propheten Muhammad. Ausschliesslich nach inschriftlichen Quellen. Erstes Heft. München, 1899; *Hommel F*. Eduard Glaser's historische Ergebnisse aus seinen südarabischen Inschriften. München, 1899 // ZDMG. 44, 173–195.

Müller C. 1855: ΑΝΩΝΥΜΟΥ [ΑΡΡΙΑΝΟΥ, ΩΣ ΦΕΡΕΤΑΙ] ΠΕΡΙΠΛΟΥΣ ΤΗΣ ΕΡΥΘΡΑΣ ΘΑΛΑΣΣΗΣ. Anonymi [Arriani, ut fertur] Periplus Maris Erythraei // Geographi Graeci Minores. E codocibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus instuxeit, tabulis aeri indicis illustravit Carolus Mullerus. Volumen Primum. Parisiis, 257–305.

Müller C. 1855a: Addenda et Corrigenda // Geographi Graeci Minores. E codocibus recognovit, prolegomenis, annotatione, indicibus instuxeit, tabulis aeri indicis illustravit Carolus Mullerus. Volumen Primum. Parisiis, cxxxvii–cxlv.

Nappo D. 2010: On the Location of Leuke Kome // JRA. 23, 335–349.

Pirenne J. 1961: Le Royaume sud-arabe de Quatabân et sa datation d'après l'archéologie et les sources classiques jusqu'au Périple de la Mer Érythrée (Bibliothèque du Muséon. 48). Louvain.

Pirenne J. 1961a: Un problème-clef pour la chronologie de l'Orient: la date du «Périple de la Mer Érythrée» // JA. 249, 441–459.

Pirenne J. 1970: Le développement de la navigation Égypte-Inde dans l'antiquité // Sociétés et compagnies de commerce en Orient et dans l'Océan Indien. Actes du 8e Colloque Internationale d'Histoire Maritime (Beyrouth 5–10 Septembre 1966). Présidés par Michel Mollat (Bibliothèque générale de l'École Pratique des Hautes Études. 6ème section). P., 101–119.

Raschke M.G. 1978: New Studies in Roman Commerce with the East / H. Temporini, W. Haase (Hrsg.) // ANRW. II. 9. 2. B.–N.Y., 604–1361.

Raunig W. 1970: Die Versuche einer Datierung des Periplus maris Erythraei // MAGW. 100, 231–242.

Ray H.P. 1996: Seafaring Communities in the Indian Ocean. Research Strategies and Perspectives // Topoi. Orient-Occident. 6/2, 641–647.

Reinaud J.-T. 1864 : Mémoire sur le Périple de la Mer Érythrée et sur la navigation des mers orientales au milieu du IIIe siècle de l'ère chrétienne, d'après les témoignages grecs, latins, arabes, persans, indiens et chinois // Mémoires de l'Institut Impérial de France, Académie des Inscriptions et Belles-Lettres. 24/2, 225–277.

Reuss F. 1876: Hieronymus von Kardia. Studien zur Geschichte der Diadochenzeit. B.

Rodinson M. 1974–1975: Ethiopien et Sudarabique // Annuaire de l'École Pratique des Hautes Études; IVe section: Sciences historiques et philologiques. 107e année, 209–247.

Roos A.G. 1932: [Rez.:] Frisk 1927 // Gnomon. 8, 502–505.

Salmasius C. 1689: Exercitationes Plinianae in Caji Julii Solini Polyhistora. Vol. 1–2. Trai. ad Rhen.

Schoff W.H. 1912: The Periplus of the Erythraean Sea. Travel and Trade in the Indian Ocean, by a Merchant of the First Century. N.Y. (repr.: New Delhi, 1974, 1995).

Schwanbeck E.A. 1850: Über den Periplus des Erythräisches Meeres // RhM. 7, 321–369, 481–511.

Seland E.H. 2005: The *Periplus'* Report of a Roman Attack on Aden: An Unintended Result of Successful Propaganda? // SO. 80, 60–67.

Sidebotham S.E. 1986: Roman Economic Policy in the Erythra Thalassa, 30 B.C. – A.D. 217 (Mnemosyne. Bibliotheca Classica Batava. Supplementum Nonagesimum Primum). Leiden.

Sidebotham S.E. 1990: An Ancient Passage to India // CR. New Series. 40/1, 16–17.

Simpson R.H. 1959: Abbreviation of Hieronymus in Diodorus // AJP. 80/4, 370–379.

Streubel E. 1861: Des Pseudo-Arrians Umschiffung des Erythräischen Meeres – die ersten neun Kapitel vollständig, die übrigen in Ausgaben (Jahres-Bericht über die Stralauer höhere Bürger-Schule für das Schuljahr von Michaelis 1860 bis Michaelis 1861, womit einladet C. Hartung. Druck von Hickethier). B.

Vaux R. de 1964: [Rev.:] Pirenne 1961 // RB. 71, 148–149.

Vincent W. 1805: The Periplus of the Erythraean Sea. Part the Second. Containing an Account of the Ancients from the Gulf of Elana, in the Red Sea, to the Island of Ceylon. L.

Vincent W. 1809: The Voyage of Nearchus and the Periplus of the Erythraean Sea translated from the Greek. Oxf.

Wendrich W.Z., Tomber R.S., Sidebotham S.E., Harrell J.A., Cappers R.T.J., Bagnall R.S. 2003: Berenike Crossroads: the Integration of Information // Journal of Economic and Social History of the Orient. 46/1. Excavating the Relation between Archaeology and History in the Study of Pre-Modern Asia [Part 2], 46–87.

Will E. 1962: [Rev.:] Pirenne 1961 // ACl. 31, 575–577.
Woelk D. 1966: Agatharchides von Knidos. Über das Rote Meer. Übersetzung und Kommentar. Bamberg.
Young G.K. 1997: The Customs-Officer at the Nabataean Port of Leuke Kome (Periplus Maris Erythraei. 19) // ZPE. 119, 266–268.
Zayadine F. 1990: The Pantheon of the Nabataean Inscriptions in Egypt and the Sinai // ARAM. 2, 151–174.

THE DESCRIPTION OF NABATAEA IN THE «PERIPLUS OF THE ERYTHRAEAN SEA»

(Towards the Definition of the Genre of the Source)

M. D. Bukharin

The author challenges the opinion that the «Periplus of the Erythraean Sea» was based purely on the personal experience of its author, who is normally supposed to have been a sea-trader or a ship-owner. The article is focused on the description of Nabataea in the «Periplus». Consideration of the previous Classical tradition on Nabataea, in particular the description of the port Leuke Kome and the way from it to Petra in the works of Hieronymos of Kardia, Agatharchides and report of Aelius Gallus' campaign in Arabia retold by Strabo and Diodorus of Sicily enable us in general to suppose that the author of the «Periplus» in his description of Nabataea referred to the information contained in these sources and had most probably never been on the North Arabian shore of the modern Red Sea and in particular that the restoration αναβαταιων > ἀνάβασις in the § 19 of the «Periplus» for designation of the road «through» Leuke Kome to Petra is the only possible one. This fragment of the «Periplus» seems to go back to the information on the sea-branch of the «Incense Road».